

ГРНТИ 13.91:13.01.11

УДК 008:39

А.В. Березина
(A.V. Berezina)
УГЛТУ, Екатеринбург

**РЕГИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЙ ТИП КУЛЬТУРЫ
МАРИЙЦЕВ УРАЛА
CULTURE OF THE MARI OF THE URALS
AS A REGIONAL AND ETHNIC TYPE**

В данной статье обосновывается подход к изучению культуры уральских мариЙцев как культуры регионально-этнического типа. Данный подход помогает выделить те факторы, которые влияют на трансформацию культуры, придают ей особый региональный колорит.

This article substantiates the approach of studying the culture of the Ural Mari people as a culture of regional-ethnic type. This approach helps to identify those factors that influence the transformation of culture and give it a special regional color.

Ключевые слова: этнос, культура, регионально-этнический тип культуры, уральские мариЙцы, межкультурное взаимодействие.

Keywords: ethnos, culture, regional-ethnic type of culture, Ural Mari, intercultural interaction.

Культурологическая методология исследования предполагает изучение этнокультуры в совокупности ее лингвистических, исторических и политико-экономических аспектов через отражение в музыке, мифах, сказаниях, песенном творчестве и в повседневности. Такой подход требует не только выработки определенного методологического ракурса, но и наличие собранного исторического, этнографического, лингвистического и фольклорного материала.

Как известно, проблема метода исследования – это проблема выбора категориального аппарата и критериев оценки полученных данных. Ведущими категориями данного исследования являются культура и этнокультурная идентичность. И хотя все эти понятия разрабатывались и дискутировались многочисленными научными школами и направлениями в общественных науках, своего окончательного определения они до сих пор не получили.

Традиционно в российской науке придерживаются определения этноса, данного в Новейшем философском словаре: «*Этнос* (греч. ethnos – «группа, племя, народ») – межпоколенная группа людей, объединенная длительным совместным проживанием на определенной территории, общими языком, культурой и самосознанием» [1].

Сложность обращения к этому определению выражается в том, что оно лишено конкретики и приводит к рассмотрению того, что допустимо именовать «культурой», «длительным совместным проживанием», «культурной идентичностью», «самосознанием».

Мы придерживаемся определения этноса как основного логотипа культуры в совокупности его языковых, историко-культурных, традиционных и повседневно-практических особенностей.

В современном мире с его требованиями унификации и стандартизации, с распространением массовой культуры возникли новые исследовательские теории и подходы к изучению культуры этносов, собран обширный антропологический материал в различных концах света. Интерпретируя его, исследователи используют не только разнородный категориальный аппарат, но и дают противоположные сценарии будущего развития этнокультур. Это детерминировано тем, что «культуру» как одну из важнейших универсалий и рабочего понятия для проведения исследовательской работы в социальных и антропологических науках определяют неодинаково, исходя не только из различного предмета исследования, но и из различных критериев, которые являются рабочими для данной исследовательской деятельности.

Для данного диссертационного исследования, опираясь на определение К. Гирца [2], в котором он допускает, что в решающих исторических событиях, которые определяют дальнейшую судьбу этноса или человека, проявляются особенности этой культуры, характеристики ее фундаментального уровня, выработаем свое рабочее понимание культуры для понимания и отличия «живой», ныне действующей культуры, от «археологической». Под *культурой* мы понимаем набор исторически, социально, географически сложившихся символов и знаков, в которых содержится реализующаяся как в практической деятельности, так и в материальном мире вещей мировоззренческая система, определяемая смысложизненными ценностями и ценностными ориентирами. При этом только практическая деятельность самих поколений на протяжении веков определяет значимость сохранения этих смысложизненных ценностей и трансляции ценностных ориентиров и, таким образом, их устойчивость.

Отталкиваясь от идей А. Маслоу, подчеркнем, что на гребне филогенетического подъема, потеряв постепенно все животные инстинкты, человек приобретает культуру в качестве орудия адаптации [3, с. 62]. А. Маслоу характеризует культуру как систему конструирования таких условий, при которых культура становится

в определенном смысле методом создания способов самосохранения и выживания общностей. Еще ранее было отмечено О. Шпенглером, что первостепенное значение для любой культуры имеет история «совокупного бытия», которая создает образ мира в сознании определенной группы людей, объединенных «единствами душевными» [4, с. 27]. Самое главное, подчеркивает автор этих строк, – это единство души. Народы стали тем, кем они стали благодаря единству судьбы, которая их постигла. Сформированный таким образом уникальный тип культуры, бесспорно, возможно назвать этнической культурой, которая изначально целостна в единстве формирования ее компонентов.

Таким образом, *этническая культура* – это социальные, духовные и материальные условия, обеспечивающие во всей их совокупности принятый народом способ жизни. Этническая культура наиболее ярко заявляет о себе в таких областях, как народная религиозность, язык, а также в установленном укладе быта, будничных действиях, обычаях, традициях, типичных психологических и этических чертах ее носителей. Ее атрибутами становятся свойственные ей типы этнической одежды, пищи, убранства жилища, музыкального и танцевального творчества. Атрибутика призвана сохранять этнические корни и стержневые ценности и передавать их в символическом образе (желательно в неизменном виде) следующему поколению, поэтому этническая культура несет в себе достаточную долю архаики. Об этом говорит и тот факт, что даже мигрирующим этническим группам присуще сохранение и сбережение их этнокультурных особенностей.

Культура этносов формируется в определенных условиях на территориях, где веками усваиваются и отрабатываются духовные и материальные ценности этого этноса, его традиции и религия. Формируемые в ходе этногенеза идеи и образы, представляющие в совокупности этническую картину мира, свидетельствуют о прежнем и насущном общественно-историческом социокультурном опыте. Народная религиозность, официально принятые религиозные положения, сказки и сказания, отражающие социокультурные ценности, явствуют о культурной и народной самобытности.

В истории развития этнических культур редкий этнос остался неразделенным на мигрирующие группы, которые изменили свой регион проживания, сохранив при этом ценностные основы культуры.

Мигрирующие группы вынуждены были приспособливаться к новым природным условиям, осваивать новые виды деятельности, взаимодействовать в другом этнокультурном окружении. Все это

неоднозначно сказалось на дальнейшем формировании мигрирующих этнокультур, подчеркнув наименее изменяемое ядро этнокультуры. В связи с этим выделение географического, точнее, регионального фактора в современной типологии этнических культур представляется нам необходимым для их изучения.

Региональное влияние на особенности формирования этнокультур было отмечено многочисленными исследователями, а начиная с эпохи Просвещения (например, Ш. Монтескье) не раз обсуждалась роль географического фактора в этногенезе культур. В XIX веке Н.Я. Данилевский отмечает разделение цивилизаций согласно их географическому положению и выделению Запада и Востока, Европы и Азии. Говоря о формировании культуры народа, еще В.О. Ключевский обращает внимание на специфические географические факторы, которые в их уникальном сочетании порождают для формирующейся культуры благоприятные условия. Он подчеркивает, что речь идет о формировании бытовых условий, духовных особенностей, которые складываются в народе под явным влиянием природной среды. Народный темперамент образуется с учетом их совокупности. Окружающая среда, по мнению В.О. Ключевского, представляет собой «неоспоримую силу», действующую на духовный склад людей [5].

Л.Н. Гумилев более детально обращается к географическому фактору жизни этноса, подчеркивая отличия формирования этнокультур от особенностей приспособления к ландшафту. Как бы отвечая ему, П. Сорокин в своих исследованиях предостерегает от интерпретации любой социальной системы как игрушки «внешних условий». Но тем не менее, говоря о четырех типах взаимодействия культур, он уделяет особое внимание этому внешнему региональному фактору.

Региональный фактор понимается нами как такая характеристика территории, при которой учитываются не только ее природно-географические особенности, но и ее экономическое, политическое и культурное развитие, а также особенности взаимодействия с соседствующими территориальными образованиями. Сюда мы включаем общность исторического развития, природные условия, социально-экономические условия жизнедеятельности и, как следствие, – административное деление.

Если этническая культура предстает как наиболее архаичный и консервативный тип культуры, то региональная культура наиболее подвижна, быстро реагирует на политические, социальные и экономические изменения. Особенности же регионально-этнической

культуры сказываются на всем: на языковых особенностях, на повседневной жизни, на интерпретации мифов и сказаний.

Учитывая этническую составляющую, попытаемся обосновать использование понятия «регионально-этнической тип культуры» при характеристике марийцев.

Прямое отношение к формированию региональных особенностей марийцев на Урале имеет история их поселения. Сложение основ древнемарийской народности началось еще в VII–VI веках до н. э. В основе древнемарийского этноса лежит послеананьинский субстрат [6, с. 7]. Если говорить о пермских и волжских финно-угорских народах, то только что зародившаяся культура марийцев находилась между ними.

Марийская культура складывалась на значительном географическом пространстве – от центральных районов России до Уральских гор. В поисках происхождения марийцев, их культуры и начала истории ученые анализируют происхождение слов и языковых форм данного этноса. Само название марийцев (мари), со временем став наименованием этноса, изначально имело значение «человек, мужчина» [7, с. 66]. Так, согласно данным словарей, этимология слова «мари» (marij, marə) приводит к иранскому субстрату и порождает спор об этногенезе современных марийцев и идентичности входящих в состав современных мари этнических групп. Хотя стоит заметить, что слово «мари» присутствует в наименованиях небольших локальных групп, например, «Вытля мари» (марийцы, осевшие на р. Ветлуге) [8, с. 17]. Можно предположить, что тюркский субстрат лежит в основании формирования марийской культуры и в дальнейшем именно он оказал немалое влияние на контакты марийского этноса и тюрков, проживавших на территории России.

Избегая насильственной христианизации и эксплуатации, марийцы поселились на территории Уфимского плато в XVI–XVII веках. Переселенцы относились к луговым мари и шли, соответственно, от «луговой» стороны Волги. До XVII века марийцы более тесно контактировали с тюрками.

Первыми тюрками, с которыми общались марийцы, были болгары. Данное взаимодействие оставило заметный отпечаток в марийском языке в виде значительного пласта древнеболгарских слов, насчитывающих около 300 единиц. В их числе такие слова, как «агытан» (петух), «олма» (яблоко), «окса» (деньги) и др. Второй пласт заимствований – татарские слова. До распада Казанского ханства марийцы входили в его состав. Это отражено наличием около

3 тыс. лексических единиц татарского и башкирского происхождения в марийском языке [9, с. 248–254], хотя, как отмечает тот же источник, в татарском языке выделено только около 65 заимствованных лексических единиц из марийского языка. Именно эта особенность более ранней истории марийского народа позволила марийцам с наличием минимальных межэтнических конфликтов с татарским населением двигаться в сторону Урала.

Заселение марийцами Урала происходило в два различных потока, что сказалось на языковых различиях и небольших различиях в обрядовой и традиционной деятельности. В настоящее время марийцы трех районов Свердловской области – Артинского, Нижнесергинского, Ачитского – называют себя кунгурскими марийцами, хотя эти районы не являются сегодня частью Кунгурской области. Другая группа марийцев называет себя «юпонш мари» («йипоныш») – уфимские мари, так как они, продвигаясь с низовьев Уфы на север, заселили юг Красноуфимского района [10].

Поиск «родного уголка», похожего на «родной дом» марийской культуры, наглядно демонстрирует этническую характеристику пришедших на Урал марийцев, адаптацию их хозяйственной деятельности под новые условия проживания.

По данным археологических исследований И.Г. Шапран, Р.Д. Голдиной и других, мы видим, что марийцы испокон веков селились на холмистых местах, в устье рек. Также немаловажным для марийцев является наличие смешанных хвойно-широколиственных лесов, с которыми у них связана и хозяйственная, и религиозная деятельность. Таким образом, дальше на Урал, в тайгу, марийцы не продвигаются, а останавливаются на границе произрастания липы, дуба, ильма. В таких лесах марийцы скрывались от кочующих башкир, охотились, занимались сбором ягод, грибов и кореньев, бортничеством.

Марийцы, проживающие на Урале и в Предуралье, не имели территориального единства. На это указывали и Г.А. Сепеев, А.В. Черных и другие [11]. Объясняется это тем, что заселение происходило в несколько этапов. Переселявшиеся марийцы искали не столько места по соседству друг с другом, сколько такие природно-географические зоны для поселения, которые бы соответствовали их представлению о месте жительства, заложенному в национальной культуре и нашедшему отражение в сказках и мифах. Кроме того, как было показано выше, эти места уже «принадлежали» башкирам, и приходилось селиться там, где столкновения были наименее возможными.

Кроме того, такое положение приводит к объединению марийского этноса на Урале, оно сказывается и на позитивном заимствовании и взаимообогащении соседствующих с марийцами этнокультур.

Процесс региональной и социально-культурной адаптации марийцев, переселившихся на Урал, отразился на формировании их национального костюма. Сказалась неизбежность влияния погодных условий, адаптация к которым привела к неизбежности заимствования утепленных и непромокаемых элементов костюма у других народов. У уральских марийцев национальной праздничной одеждой считаются татарские галоши, и носят они верхнюю одежду точно такую же по покрою, как башкиры, только называется она по-разному. У башкир – «джилян», а у марийцев – «йылан». А еще у уральских марийцев окрас одежды носит темно-красный оттенок, явно отражающий башкиро-татарское влияние. Одежда же белого цвета такая, как у луговых марийцев, одевалась лишь на праздники. Таким образом, мы видим, костюм является отражением влияния на культуру марийцев Урала географического, социального фактора при сохранении ценностного ядра марийского этноса.

Заимствовалась необходимая для проживания в данном регионе хозяйственная утварь, способы ведения хозяйства, и, как следствие, шло изменение языка и фольклора. В фольклоре уральских марийцев отразились факторы этнической устойчивости и региональной изменчивости, а использование образности языка, своеобразной мелодии песен и сочетания рифм и слов позволили передавать регионально-этнические особенности уральских марийцев от поколения к поколению. Безусловно, языковые заимствования являются наиболее ярким свидетельством совместного проживания в регионе, о чем будет сказано более подробно далее.

Особую роль на формирование регионально-этнического типа марийцев Урала в XIX веке оказало строительство горнозаводской промышленности. Постепенно экономическое развитие сел и деревень стало напрямую зависеть от развития в данной местности горнозаводской промышленности. Мужское население с необходимостью вынуждено было работать на вновь строящихся заводах. Меняется направление трудовой деятельности марийцев Урала. По свидетельству Ю.И. Красильникова, в основном их, как знающих лесные уголья, набирают на работы углежогами.

Даже праздничной культуре уральских мари свойственны региональные особенности, что выразилось в заимствовании тюркских и русских национальных игр, состязаний и представлений, хотя

праздничная культура марийцев Урала сохранена в границах собственной культурной идентичности марийского этноса. Например, осмысление духовного наследия народа, стремление многих людей приобщиться к этому духовному наследию привело к возрождению у марийцев очень популярного в прошлом праздника Ага-Пайрам. Его проводят после окончания весенних полевых работ в Артинском, Ачитском, Красноуфимском районах Свердловской области и Суксунском районе Пермского края уже несколько лет. На эти праздники собираются люди из всех окрестных деревень, программу составляют песенно-хореографические ансамбли из местных марийских, татаро-башкирских и русских селений.

Марийская культура Урала, с одной стороны, выделилась от культуры луговых марийцев, с другой стороны, она не разорвала с ней связи, о чем свидетельствует религия, символика. Многонациональная культура Урала оказала специфическое воздействие на формирование особого типа регионально-этнической культуры – уральского марийца. Этот тип культуры прошел неповторимую историю трансформаций, сохранив этнокультурные собственные уникальные ценности, ставшие основой традиционных ценностей данной культуры, внося в них способом, свойственным только данной культуре, региональную окраску (географические и социально-экономические влияния).

Осмысление культуры марийцев Урала в ключе трансформации с неизбежностью приводит к выводу о значительном влиянии регионального фактора в истории культуры ее генезиса.

Библиографический список

1. Новейший философский словарь. Этнос. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1431/%D0%AD%D0%A2%D0%9D%D0%9E%D0%A1 (дата обращения: 09.12.2017).
2. Гирц К. Г 51 Интерпретация культур / пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 560 с.
3. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. А.М. Татлыбаевой. СПб: Евразия, 1999. 478 с.
4. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. С. 27.
5. Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций: лекция четвертая // Библиотекарь.ру. URL: <http://bibliotekar.ru/rusKluch/4.htm> (дата обращения: 17.06.2018).

6. Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). М., 2003. С. 7.
7. Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. С. 66.
8. Смирнов И.Н. Черемисы: Историко-этнографический очерк. Казань: Типография императорского университета, 1889. С. 17.
9. Насипов И.С. О марийских заимствованиях в татарском языке // Вестник ЧГУ. 2009. № 4. С. 248–254.
10. Чагин Г.Н. Этническая ситуация в Сылвенско-Иренском бассейне в XVII–XVIII веках (к проблеме формирования этнической карты Урала) // Вестн. Перм. ун-та: серия «История». 2013. № 2 (22). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-situatsiya-v-sylvensko-irenskom-basseyne-v-xvii-xviii-vekah-k-probleme-formirovaniya-etnicheskoj-karty-urala> (дата обращения: 29.10.2017).
11. Черных А.В., Голева Т.Г., Щукина Р.И. Марийцы Пермского края: очерки истории и этнографии. Пермь: ОТ и ДО, 2013. 530 с.

ГРНТИ 02.41.41

УДК 101.1:316

А.Г. Иванов
(A.G. Ivanov)
ЛГТУ, Липецк

**ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОВ
В ЭПОХУ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
И МАССОВОЙ МЕДИАТИЗАЦИИ
THE PRACTICE OF CONSTRUCTING
AND BROADCASTING OF POLITICAL MYTHS IN THE ERA
OF SYMBOLIC POLITICS AND MASS MEDIATIZATION**

В статье рассмотрено место мифа в символической политике и мифотворческая деятельность элит в современную эпоху массовой медиатизации. На примере этиологических мифов (арийский миф и хазарский миф) показан механизм «работы» современного мифа. Автор полагает, что с развитием цифровых технологий и усложнением функционирования коммуникационного пространства механизм трансляции политического мифа начинает претерпевать некоторые трансформации. К таким трансформациям следует отнести переплетение ключевых для мифа дихотомий сакрального и профанного, ускорение процессов смены мифов или замены мифов контрмифами.

The article considers the place of myth in symbolic politics and mythmaking activities of elites in the modern era of mass mediatization. The mechanism of the